
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

УДК: 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.03.11

КРУТИКОВ В.Р.¹ ФУНКЦИИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛЬТМАНА «КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ»: НА ГРАНИЦАХ ВИДИМОГО[©]

Аннотация. Статья посвящена специфике использования фантастической образности в творчестве А.Ф. Вельтмана, автора, которого по праву можно считать одним из первых писателей-фантастов, чьи произведения выражают установку на фантастическое как осознанную творческую стратегию. Анализируются особенности сюжетики романа «Кощей Бессмертный» (1833), отмечается, что фантастическое проявляет себя на разных сюжетно-повествовательных уровнях и свидетельствует об оригинальном использовании автором фольклорно-мифологической образности, не дублирующем наработанные приемы позднего романтизма.

Ключевые слова: Александр Вельтман; роман «Кощей Бессмертный»; фантастический роман; фантастическое; видимое / невидимое; русский романтизм.

Для цитирования: Крутиков В.Р. Функции фантастического в романе Александра Вельтмана «Кощей Бессмертный»: на границах видимого // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 3. – С. 161–168. – DOI: 10.31249/lit/2024.03.11

¹ Крутиков Владислав Романович – студент 4-го курса бакалавриата «Русская филология» Самарского филиала Московского городского педагогического университета; vladkrutikov3203@gmail.com

© Крутиков В.Р., 2024

KRUTIKOV V.R.¹ The functions of the fantastic in Alexander Veltman's novel *Koschei Bessmertny*: on the borders of the visible[©]

Abstract. The article is devoted to the specifics of the use of fantastic images in the work of A.F. Veltman, an author who can rightfully be considered one of the first science fiction writers, whose works express an attitude towards the fantastic as a conscious creative strategy. The features of the plot of the novel *Koschei Bessmertny* (1833) are analyzed, it is noted that the fantastic manifests itself at different plot and narrative levels and indicates the author's original use of folklore and mythological imagery, which does not duplicate the established techniques of late romanticism.

Keywords: Alexander Veltman; *Koschei Bessmertny* novel; fantasy novel; fantastic; visible/invisible; Russian romanticism.

To cite this article: Krutikov, Vladislav R. "The functions of the fantastic in Alexander Veltman's novel *Koschei Bessmertny*: on the borders of the visible", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2024, pp. 161–168. DOI: 10.31249/lit/2024.03.11 (In Russian)

Важным этапом в развитии русской фантастики стало творчество писателей начала XIX в. Именно в это время фантастика в России, как и во всей Европе, начинает осознавать себя как особое направление или жанр. Появляются авторы, воспринимающие себя как писателей-фантастов, а свою прозу – как прозу фантастическую. Многие видные литераторы той эпохи работали в этом жанре (направлении) или использовали приемы, которые можно расценивать как приемы фантастического. Наибольшей известностью у широкого читателя, конечно, пользуется творчество Н.В. Гоголя, но нельзя не вспомнить и других авторов – О.М. Сомова, Ф.В. Булгарина, В.Ф. Одоевского, М.Н. Загоскина, Осипа-Юлиана Сенковского и т.д. Особое место в этом ряду занимает А.Ф. Вельтман [Маркович, 1991, с. 5].

¹ **Krutikov Vladislav Romanovitch** – student of 4th year for the Bachelor's degree in Russian Philology at the Samara branch of the Moscow City Pedagogical University; vladkrutikov3203@gmail.com

© Krutikov V.R., 2024

А.Ф. Вельтман (1800–1870) – историк и писатель, чье творчество высоко оценивалось современниками, в том числе В.Г. Белинским и А.С. Пушкиным. Еще при жизни он прославился как автор исторических и фантастических романов. В его дебютном романе «Странник» (1831–1832), который довольно скоро принес известность начинающему литератору, уже можно обнаружить ключевые особенности всего творчества писателя: пародийный характер текста или его элементов, наличие фантастического и историческая тематика. Показателен в этом отношении и один из самых признанных романов А.Ф. Вельтмана «Кощей Бессмертный (Былина старого времени)» [Вельтман, 1985], где все три указанных аспекта существуют в продуктивном симбиозе и свидетельствуют, как отмечают исследователи, о становлении иронического повествования, в котором сплавляются и сентименталистская ирония стернианского типа, и романтическая ирония: «Художественная мистификация в вельтмановском романе – это специфическая форма ведения игры, активная роль в которой автором отведена читателю» [Балашова, 2001, с. 17].

Напомним основную фабульную линию: роман рассказывает о становлении и падении рода Путы-Заревых. Однажды к Олегу Путе, умному и предприимчивому стремennomу¹ суздальского воеводы Бориса Жидиславича дружинники привели печенежскую ведьму, которая за услугу предложила Олегу волшебное любовное зелье Эмшай. С помощью зелья Олег завоевал сердце возлюбленной Свельды, дочери новгородского тысяцкого Колы-Орая. Благодаря уму и твердому характеру очень скоро Олег стал самым уважаемым в Новгороде человеком, но в конце жизни пал жертвой политического убийства. Бразды правления Новгородом взял на себя зять Олега, Ивор Зарев. Так началась история рода Путы-Заревых. Потомки Ивора не наследуют талантов зачинателей фамилии, стремительное возвышение рода перетекает в столь же стремительное его падение.

«Кощей Бессмертного» нередко включают в состав так называемой трилогии о Древней Руси, куда входит и роман «Святославич, вражий питомец», где магические силы всегда имеют сугубо темный характер, а их использование чревато роковыми

¹ Стременной – ближний слуга, телохранитель.

последствиями: Святославич, некрещеный сын князя Святослава, поступает на службу к нечистой силе, жертвой которой и становится в конце. Так и Олег Пути с помощью магического зелья получает сердце возлюбленной, заключает счастливый брак и обретает политическую силу, влияние в обществе, уважение. Но именно занятая с помощью волшебных сил должность становится причиной его убийства. Использование волшебства приводит Олега Пути к смерти – так же, как и Святославича.

Мотив родового проклятия не появляется в тексте открыто, однако можно сказать, что фантастическое в нем приобретает роковой характер: все кровные потомки Олега оказываются обречены на неудачи именно в тех сферах, в которых достиг успеха с помощью зелья их предок. Никто из них не обретает счастья в браке, а из правителей Новгорода Пути-Заревы превращаются во владельцев небольшой деревушки. В конце концов последний из рода, Ива Олелькович, становится пародией на своего легендарного предка (Олега Пути).

Надо отметить, что в романе Вельтмана фантастическое находит выражение лишь в отдельных аспектах вымышленного мира, но не определяет всю его структуру: не будучи обыденным для героев, оно показывается как естественная, но небольшая часть художественной вселенной. При этом, обеспечив завязку романа, оно постепенно исчезает из повествования. Чем хронологически ближе повествование к современности, тем меньше в мире остается волшебного. Фантастическое полностью меняет жизнь Олега Пути, но уже его внук, Ива Иворович, теряет оставленный дедом в подарок волшебный эликсир, хотя жизнь его полна разнообразных событий, перекликается с сюжетами приключенческих и плутовских европейских романов: Ива всю жизнь проводит в путешествиях, в какой-то момент селится при дворе боярина Любы в качестве юродивого под другим именем, потом отправляется в паломничество в Иерусалим и т.п. И пусть магия постепенно исчезает из романа, магическое восприятие мира сохраняется, и эта особенность является важной нарративной особенностью текста. Несмотря на то что фантастическое напрямую не присутствует в жизни Ивы Иворовича, его судьба все равно напоминает окутанную тайной легенду, повествование постоянно прерывается вставными историями, часто имеющими фантастическую составляющую.

щую. То же самое можно сказать и о его внуке, Лавре Саввиче: еще в юности тот решает отправиться на войну, где и встречается свою возлюбленную Стано (которая рано умирает). Встреча Лавра со Стано и ее отцом, их совместная жизнь в диком лесу, как и судьба Ивы Иворовича, отсылают читателя к жанру легенды.

Надежды читателя на повторное эксплицитное появление фантастического в тексте рушатся постепенно, до тех пор, пока повествование не касается внука Лавра Саввича, Ивы Олельковича, и начиная с этого места оно приобретает иронический характер. Сам Ива Олелькович является пародией на своего легендарного предка Олега Путы и на былинных богатырей, историями о которых он заслушивается в детстве, и, подобно Дон Кихоту, теряет представление о границе между реальностью и вымыслом: «Ива был грозным подражателем богатыря Усмы. От него никому не было прохода; со словами: “О-о-о-о! нечистого духа слыхом не слышать, видом не видать, вдруг нечистый дух проявился на родной Руси!” – Ива внезапно насккивал из-за угла на прохожих слуг, на челядь и поселян, на телят, на гусей, на свиней, на овец и, по его выражению, гвоздил здоровым кулаком» [Вельтман, 1985, с. 145].

Фантастическое, практически исчезнувшее из текста после смерти Олега Путы, существовавшее с тех пор исключительно внутри вставных историй, неожиданно начинает переполнять основное повествование. Но если ранее, когда Олег встречался с ведьмой или использовал ее зелье, в тексте не было даже намеков на сомнения в реальности фантастического, то жизнеописание Ивы Олельковича переполнено такими сомнениями – однако только со стороны нарратора, сами же действующие лица романа уверены в реальности происходящего.

Время волшебства и чародейства, время золотое! ты живешь уже только в Сказках!

Время, когда юная волшебница после короткого сна на летучем, пуховом облаке пробуждается от поцелуя любимицы своей, румяной зари, спускается с высоты на душистый луг и погружается в благовонном море цветов!.. Воздушные девы накидывают на обнаженную красоту ее легкий туман, собирают для нее перловую росу, нанизывают ожерелье, плетут венец, вяжут из цветов ткань для одежды, навешивают серьги, осыпанные искрами дивного света, стягивают стан радужной тесьмой, набрасывают на белизну чела ее легкую тень вместо покрывала, прикасаются устами к ее снежной

руке, ловят ласковый прощальный взор ее, дивятся чуду создания, чистоте ее души, нетленной нежности ее состава...

Волшебница летит поклониться неведомым силам...

Где же вы, духи неведомые? Злые и добрые, светлые и темные? Кто истребил ваше царство и изгнал вас из мира вещественного в мир воображения?

Кто похитил таинственные слова заклятий, призывающих вас на помощь человеку?

Кто совершенно приковал человека к земле и отнял у него волшебные средства сбрасывать с себя на время тело и носиться невидимо, подобно вам, в пространствах вселенной?..

Нет того, что было! Нет вас!

[Вельтман, 1985, с. 156].

Герои осознают мир как часть магической системы, охотно верят в волшебство, сказки, воспринимают их как что-то естественное, пусть и не повседневное. Но подобное восприятие сильно отличается от того, каким мир представляется в действительности: со временем волшебство уходит из мира и остается лишь в сознании героев. Как известно, Цветан Тодоров определяет подобный тип фантастического как «фантастическое-необычное», но если, по Тодорову, в подобных текстах в конце фантастическое обязательно должно находить рациональное объяснение [Тодоров, 1997, с. 28], то Вельтман оставляет данный вопрос до конца не решенным, открытым для читательской интерпретации (похожим образом поступает Н.В. Гоголь в повести «Шинель»).

Все сделанные наблюдения позволяют утверждать, что фантастическое начало, фантастическая образность в романе А.Ф. Вельтмана «Кощей Бессмертный» воплощаются сразу в нескольких идейно-тематических и сюжетных регистрах.

Во-первых, фантастическое является частью магического сознания, свойственного персонажам, жившим в «давние» времена. В таком случае фантастика способствует погружению читателя в легендарно-историческую эпоху и вместе с тем демонстрирует отличие мировосприятия героев современного (в понимании писателя-романтика) человека и человека далекого прошлого. Этот конфликт восприятия создает три сюжетных пласта, три мира: мир бесспорно реального (для героев), мир «полюмически реального» и мир былинного. Границы этих миров зависят от читательской интерпретации и не обязательно совпадают у героев романа и его аудитории.

Во-вторых, фантастическое может быть и манифестацией влияния эпического прошлого. Именно такое фантастическое начало постепенно уходит из повествования, хотя образ легендарных времен в какой-то мере остается идеальным образцом для настоящего.

В-третьих, фантастическое может воплощать в себе страсть или одержимость. Фантастическое никогда не появляется просто так, у него всегда есть конкретный объект, одержимый идеей или чувством, в реализации которых фантастическое участвует, становясь знаком особой страсти / одержимости идеей или чувством, которые подчиняют себе героя.

В-четвертых, фантастическое может выступать пародийным механизмом, проявлять себя как элемент нарративной игры. Интрига, основанная на неотчетливом разграничении реального и нереального, создается с помощью введения в сюжет фантастических событий и одновременно выражается в скептицизме нарратора.

Таким образом, проза А.Ф. Вельтмана демонстрирует специфические формы использования фантастического как особой сюжетно-повествовательной стратегии. В общем контексте европейского и русского романтизма эта стратегия свидетельствует о постепенном оформлении «ненадежной наррации» – о расслоении изображаемой в тексте реальности и воображаемых миров, принадлежащих разным уровням восприятия персонажей. Ироническое дистанцирование в изображении фантастических событий у писателя осуществляется в традиционном для романтиков использовании фольклорно-мифологической, легендарной («древнерусской») сюжетики, однако воплощено в оригинальном сдвиге границ между видимым и невидимым, «бытовым» и «волшебным» и нарушении читательских ожиданий.

Творческое наследие А.Ф. Вельтмана явно заслуживает дальнейшего изучения и как литературный феномен «переходной» эпохи, и как пример эксперимента с романно-сказочной формой фантастического.

Список литературы

1. *Балашова Е.А.* Проза А.Ф. Вельтмана как явление переходной эпохи : дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2001. – 227 с.

2. *Вельтман А.Ф.* Кощей Бессмертный // Вельтман А.Ф. Романы. – Москва : Современник, 1985. – С. 23–233.
3. *Маркович В.М.* Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма, (1820–1840 гг.) / под ред. В.М. Марковича. – Ленинград : Ленинград, 1991. – С. 5–47.
4. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу // пер. с франц. Б. Нарумова. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1997. – 107 с.